



...**В**сё началось вот с этого небольшого объявления, вычитанного мной в интернете. Я как раз озаботился поисками новой работы, поэтому разнообразные ссылки в поисковике всплывали постоянно.

«Частный выставочный комплекс музея “Херсонес”, город Севастополь, Республика Крым, ищет молодого, холостого, не обременённого обязательствами иногороднего, физически здорового, перспективного специалиста по истории искусств. Высшее образование обязательно, опыт работы желателен, любовь к приключениям приветствуется, зарплата гарантируется, жильё предоставляется; полный социальный пакет, включая похороны за счёт управляющей компании».

Последние слова можно было счесть неудачной шуткой креативного менеджера. Сейчас в рекламщики набирают кого попало, сами знаете. В остальном же думаю, что получить такое местечко было бы пределом желаний любого выпускника нашего курса. Хотя, быть может, я и ошибаюсь.

Просто бюджетники, как правило, не самые богатые люди, а уж финансирование провинциальных музеев в необъятной России всегда идёт по остаточному принципу. Для нашей работы необходимы не только упёртость, готовность к самопожертвованию, но и неслабый уровень начитанного романтизма. И, естественно, никакой семьи, перспектив на наследство и надежд на перевод в Третьяковку или Петергоф.

Я окончил отделение истории искусств в знаменитом Екатеринбургском университете, потом отслужил срочную в морской пехоте на Балтийском флоте, и естественное желание переехать на не слишком пыльную работу в солнечные края превысило здоровую осторожность. Ну, или всё дело было в подкрадывающемся отчаянии...

Мне довелось поработать то там, то тут, преподавать, вести частные уроки рисования; один раз даже уходил в коммерцию, но всё это без особого успеха. А поскольку недавно мне исполнилось двадцать восемь, я вдруг загорелся стремлением хоть чего-то достичь в этой жизни. Но не в бывшем Свердловске, увольте...

Поэтому, когда на отправленное мною резюме пришёл положительный ответ, я на последние деньги, не задумываясь, взял билет на самолёт. Родители в принципе были не против, им хватало хлопот с двумя моими младшими сёстрами. Жениться я не успел, а моя вторая бывшая девушка развлекалась в очередной секте женского счастья посредством «хакни-медиации».

Все вещи и книги уместились в небольшой чемодан, мама перекрестила меня, отец похлопал по плечу, сёстры-близняшки крикнули вслед: «Аря-ря-я!»,

взяв с меня обещание присылать рисунки, и вот уже третьего июля компания «Уральские авиалинии» аккуратнейшим образом доставила меня в новенький аэропорт Севастополя почти на закате дня. Крым наш! Но, вопреки чаяниям, меня там никто не ждал...

Как говорили старики-римляне: *Ave, Caesar, te salūtant!*¹, что в переводе значит: а кто ты, собственно, такой, чтобы тебя встречали цветами и оркестром?

То есть со стороны администрации музея, конечно, никто и не обещал ковровую дорожку с лимузином, но почему-то данный момент оказался первой ноткой странностей этого дня. Я вызвал такси, указал адрес, и мрачноватый пожилой татарин, совершенно непохожий на наших казанских, симбирских или астраханских татар, повёз меня какими-то кручёными улочками на окраину города. Ну разумеется, «так короче», ага...

Севастополь в обширной зелени парков производил двойственное впечатление: обшарпанность зданий ещё советских времён резко контрастировала с праздничными кварталами новостроек. Но главным было не это, а то, что почему-то к знаменитым развалинам старого греческого Херсонеса мы не поехали, свернув куда-то в глушь, в частный сектор, ближе к морю.

И да, прежде чем я успел удивиться или возмутиться, такси тормознулось у ограды двухэтажного кирпичного домика с тремя белыми колоннами, на дверях которого действительно имелась позолоченная музейная табличка.

¹ В оригинале высказывание звучит: *Ave, Caesar, moritūri te salūtant!* — «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» (лат.)

Сдачи у водителя традиционно не было.

«Пёс с ним», — философски решил я, вытаскивая чемодан из багажника.

Старик-татарин укоризненно покачал головой, сплюнул в сторону музея и укатил восвояси так быстро, словно опасаясь немедленного наказания. К слову сказать, не так уж он был и неправ. Я лишь успел коснуться рукой калитки, как словно из-под земли вырос лохматый коренастый горбун и едва ли не с лаем кинулся на меня!

— Извините. Я по объявлению. Мне к директору...

Горбун, не сводя с меня маленьких чёрных глаз, но перейдя на сдержанный рык, позволил мне войти за ограду. По узкой тропинке из настоящих мраморных плит я прошёл к дому, поднявшись по четырём ступеням, и, не найдя кнопки звонка, деликатно постучал.

Надпись на табличке подтверждала, что завезли меня по верному адресу, так как это и есть **музей «Херсонес»**. **Частный выставочный комплекс**. Удивляло лишь то, что, кроме названия, написанного



стилизованным греческим шрифтом, на таблице не было ничего больше: ни расписания работы, ни ценника за билет, ни даже контактного телефона или имейла. Откуда-то изнутри раздались очень медленные шаркающие шаги, а потом дверь открылась.

— Ужели вижу я не мальчика, но мужа? Героя, открывающего вход во врата Аида иль, быть может, даже дворца Олимпа, где в свободных тогах пирует небожителей толпа? — шутливо приветствовал меня довольно-таки молодежавый, приятный пухлый мужчина в белом брючном костюме из мятого льна.

Вьющиеся рыжие волосы почти до плеч, собранные в оригинальную причёску, прямой нос, округлившееся с возрастом лицо, чуть капризные полные губы, круглые тёмные очки, как у кота Базилио. Он улыбнулся мне в ожидании ответа.

— Здравствуйте. Я ваш новый сотрудник Александр Грин.

Да, увы, родители не задумывались о том, как мне придётся жить под сенью такого имени. Кудрявый толстячок искренне рассмеялся, за рукав втягивая меня в дом.

— Заходите, не смущайтесь, мы все вас ждём! Как говорится, «посидим, попьём вина, закусим хлебом...» Позвольте представиться: Аполлонов Феохтист Эдуардович, директор сего приюта шалопаев, помешанных на истории Крымского полуострова.

Мы прошли в очень тёмный коридор и сразу же, свернув из него направо, вдруг оказались в залитом оранжевым солнцем саду в окружении олив и кипарисов, даривших спасительную тень. В самом центре бил небольшой фонтанчик, украшенный обломками древних колон в коринфском стиле, там же стояли четыре

мраморные скамьи, а над нашими головами пели незнакомые мне птицы.

— Чудесный сад! Наверное, чисто музейные помещения в другом крыле?

— Ну, в целом да. Они есть, — не очень уверенно ответил директор, но, поправив очки, вновь заулыбался. — Сосо Церберидзе вы уже видели. Он наш охранник, ночной сторож и дворник, един, так сказать, в трёх лицах. Идёмте, представлю вас остальному коллективу.

Откуда-то из-за древесного ствола показалась очень стройная девичья фигурка, в полупрозрачном облегающем сарафанчике, надетом... если мои глаза не врут... прямо на голое тело. И, клянусь Ранним Возрождением, это было самое совершенное сочетание роста, талии, плеч, объёма груди, увенчанное чудесной голубоглазой головкой в ореоле золотых кудряшек.

— Мы называем её «наша Афродита»! Хотя по паспорту она Гребнева Светлана Сергеевна. Наш младший научный сотрудник, специализируется на чёрнофигурной и краснофигурной вазовой росписи. Уникальный специалист, настоятельно рекомендую подружиться! Светочка, а я к вам с гостем! Вот, только что доставлен прямым рейсом из Москвы — и сразу к вашим ножкам, так сказать...

— Из Екатеринбурга, это за Уралом, — я больше и слова вымолвить не успел, как девушка вперила в меня влюблённый взгляд, в доли секунды словно пронзив сердце электрическим разрядом. Её щёки заалели, ресницы взметнулись вверх, и она шагнула навстречу мне, поводя плечиками так, что сарафан начал соскальзывать...

— Очень приятно. Грин. Александр. Можно просто... Саша. Я ещё не...

— А я уже да-а-а, — фактически простонала она, откровенно пытаюсь забросить руки мне на шею, но Феокист Эдуардович очень вовремя встрял между нами. Светлана разочарованно опустила тонкие бровки...



— Ай-яй-яй, Гребнева, вы же мне обещали. Никаких интрижек на рабочем месте! А то знаем мы вас, молодых, — подмигнул директор, вытер выступившие бисеринки пота рукавом и подтолкнул меня к фонтану: — Александр, прошу познакомиться с нашим старшим сотрудником Земновым Германом Николаевичем.



Я не сразу понял: о ком это он? И лишь когда груда старых камней вдруг выпрямилась в полный рост, протягивая мне лопатообразную ладонь, стало понятно, с кем мне предстоит иметь дело. С самым настоящим великаном.

Земнов был на две головы выше меня, наверное, вчетверо шире в плечах, но обладал скорее фигурой пауэрлифтера, чем культуриста. Одет в свободную серую рубашку и джинсовые шорты ниже колен. Лицо простое, открытое, тёмно-русые волосы, небольшая бородка, так что в целом, наверное, больше напоминает былинного Илью Муромца, чем скромного мурзейного червя.

— Очень приятно, — смущённо прогудел он.

— Мне тоже, — я осторожно пожал его руку. — Могу спросить, а вы по какой части?

— Герман — крупный специалист по бронзе, меди, прочим металлам и мраморной скульптуре, — пояснил довольный директор. — Ну вот вы и знаете нас всех. Коллектив у нас небольшой, дружный, так что вливайтесь, пожалуйста! А сейчас пройдёмте-ка в мой кабинет: оформим документы, подпишем бумаги. Чемоданчик можете оставить тут, он никому не мешает.

Собственно, я был настолько потрясён всем увиденным: южным закатом, зелёным садом, приятными людьми, искренним гостеприимством, с которым никогда не сталкивался ранее, что безропотно позволил взять себя под руку и увести обратно в тот тёмный коридор, являвшийся по факту дорогой в любом направлении. Абсолютно в любом, если вы поняли.

Рабочий кабинет директора музея оказался сразу за поворотом налево. Небольшой, но вполне себе

современный офис, дорогая мебель, шкаф с книгами, компьютер, папки бумаг, телефон... вроде бы всё. Да! Ещё большая карта Крымского полуострова и календарь с изображением восхода солнца над развалинами Херсонеса, украшавшие противоположную стену.

— Прошу садиться, молодой человек, — уже совершенно деловым тоном предложил Феоктист Эдуардович, опускаясь в коричневое кожаное кресло. — Итак, диплом об окончании учебного заведения, паспорт, страховое, ИНН?

— Паспорт, — я выложил его на стол, — остальные документы в чемодане. Принести?

— А-а, ерунда, успеется. Для начала позвольте пару вопросов. Отвечайте быстро, не раздумывая. Что отсутствует у большого сфинкса в Долине царей?

— Нос. Отбит артиллерией Наполеона.

— Отлично. Моне?

— Клод.

— Мане?

— Эдуард.

— Альбрехт Дюрер, автопортрет на фоне окна, техника?

— Живопись, масло, дерево.

— «Русская Венера»?

— Борис Кустодиев, 1925-26 год.

— У вас смартфон? Чего я спрашиваю, у какого современного человека его нет. Но имейте в виду, что любые фотографии музея, коллекции и даже сотрудников строжайше запрещены. То есть для внутреннего употребления, по работе, снимайте всё, что вам нужно, но делиться в Сети...

— Понятно. А рисовать можно? Ну, я не люблю писать письма, я рисую их.

— Очень интересно! Мы всегда поощряем творческое развитие наших сотрудников. Можно взглянуть?

Я достал новый корейский смартфон, открыл папку изображений и передал директору. Он бегло пролистал с десятков рисунков, удовлетворённо хмыкнул и вернул мне.

— Достаточно, похоже, вы нам подходите. Теперь осталось выяснить, подходим ли мы вам, — Феоктист Эдуардович вдруг подмигнул столь игриво, что это граничило с фамильярностью. — Вы можете снимать квартиру в городе, но обычно все наши сотрудники, включая меня, живут при музее, в гостевых комнатах. Условия почти спартанские, зато всё бесплатно. Зарплата начисляется раз в месяц, в рублях или серебряных драхмах.

— Простите?

— Шутка! Не будьте таким серьёзным, Александр, хотите выпить?

— Я не особо...

Но он уже достал из шкафчика стола бутылку красного и два больших чистеньких фужера.

— Старая Агора, чёрный мускат, до сих пор производится по греческим традициям виноделия. И уж поверьте старику, ни один музейный работник не выживет в Крыму без стаканчика доброго вина! Пейте, друг мой, ибо это высочайший дар бога Аполлона и Диониса, древнее лекарство, дарованное человечеству во спасение от сумасшествия, и глоток счастья...

Я пригубил чисто из вежливости, но тут же понял, что ничего подобного никогда не пил. Греческое вино было густым, невероятно насыщенным по цвету и вкусу, а его крепость мягко нивелировалась сладкой